

Алла Липатова

Море, гадалка и видик

16+

Алла Липатова

Море, гадалка и видик

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Липатова А. А.

Море, гадалка и видик / А. А. Липатова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Эта книга о тех, кто был молод в девяностые.

© Липатова А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Первая глава.

Июнь-август, 1999г.

Соне был двадцать один год. Это была девушка с русыми волосами до плеч худенькая и симпатичная и... довольно несчастная. Вся грядущая жизнь представлялась ей борьбой и беспроблемной тоской. Целых четыре года она училась на «медсестру повышенного уровня». Год после школы никуда не поступала, ждала, когда откроется этот привлекательный факультет в Медицинском колледже, который все по старинке, без изысков, называли – училище. Устроили ее туда по большому благу, за деньги, и каково было ее разочарование, когда она поняла, что профессия выбрана неправильно. Четыре года мучения, и вот все позади. Она получила не только синий диплом, но и такого же цвета тоску, которая прочно засела в её душе. Мама каждый день спрашивала, когда она пойдет устраиваться на работу, а Соня только отмахивалась. Будущая трудовая деятельность представлялась ей каким-то наказанием, альтернативным видом тюремного заключения. Когда она об этом пыталась сказать маме, та только начинала кричать: «Зачем тогда училась, уходила бы. Диплом есть не дури. Многим людям не нравится их работа», и все остальное в таком же духе. Пару раз позвонил отец, робко интересовался ее планами на будущее. Предлагал помощь, в том числе и материальную – денежный подарок к получению диплома. Но Соня гордо отвергла. Он никак не могла простить папе любви к другой женщине и спокойно обходилась без его денег. Чем отца и его новую жену удивляла безмерно. И, вот в начале июля, когда прошло две недели после того как она стала дипломированной медсестрой, к ней в гости заглянула Валя. Они нежно дружили в школе: читали одни и те же книги, обсуждали их потом до хрипоты, перемывали кости всем одноклассникам и учителям. Но после школы встречались довольно-таки редко. Валя поступила в пединститут на филологию и совсем пропала в смысле слов и горах книг, которые нужно было прочитать. А Соня с ужасом постигала азы медицины и каждый день надеялась, что или какой-нибудь террорист взорвет ночью это ненавистное училище, только обязательно ночью, чтобы никто не пострадал. Или все люди на земле вдруг разом выздоровеют, и не нужна никому будет профессия медицинской сестры. И не могла она сказать об этом маме, которая ее с таким трудом туда устроила. Непонятно почему, но конкурс всегда был приличным. Видимо полно было таких лентяек, как Соня, которые считали, что на медсестру учиться легко, а самое главное – какая романтика. Белоснежный короткий халат, кудри водопадом, а них кокетливый накрахмаленный чепчик и влюбленный по уши молодой и очень перспективный врач. Действительность как-то разительно отличалась от красивой картинки. Кудри надо было прятать, если, конечно тебе утром было не лень вставать за пару часов до практики, чтобы их завить. Медсестры были какие-то дерганые, замученные хамоватые тетki. Молодые девушки держали себя в руках, лелеяли свою красоту, но было понятно – они станут такими же. Врачи, по большей степени, медсестер за людей не держали, к санитаркам относясь намного уважительней. И, конечно же, дедовщина, кумовство, деление на группы превращало и без того нелюбимое дело в какую-то пытку. А еще были больные. Да, да, именно больные, собственно говоря, ради которых и затевалась вся медицина в доисторические времена. Соня их не выносила, старалась общаться с ними поменьше. Но не за горами было время, когда она должна была столкнуться со всеми этими реалиями лицом к лицу. Но это еще только предстояло. Большую часть времени студентки проводили на лекциях в своем мрачном училище на отшибе города, куда Соня добиралась больше часа на трамвае. И в ожидании трамвая, в штурме его со всеми желающими уехать безнадежность, думалось: жизнь закончена. А дорога была такой длинной, что казалось, сейчас из динамика объявят: «Следующая станция – Владивосток». Соня допускала мысль, что всё не так печально – просто она не любит профессию, вот и смотрит на все через призму антипатии.

У Вали, напротив, сбылась мечта. Она увлеченно ходила на лекции, могла часами сидеть в читальном зале, совершенно без принуждения, а по велению души. И Соня, глядя на нее,

испытывала зависть, которая потом переходила в злость. Как же так, её лучшая подруга до такой степени была равнодушна, что не отговорила от опрометчивого шага. И они стали отдаляться. Самое обидное, что Соне не приходила в голову простая мысль: бросить все и начать заново. Она привыкла всё доводить до конца.

Валя прошла в комнату, все такая же серая, безликая, в очках и с короткой стрижкой «под горшок».

– Как я рада тебя видеть, Сонька! Ты почему не звонишь, ведь диплом получила. А мы и не обмыли, – радостно затрещала она, с ногами усаживаясь на диван, – ты на работу выходишь?

– Нет, – поморщилась Соня, – не хочу. И слезы покатались по ее щекам – частые и очень крупные.

– Отлично, – обрадовалась Валя, не обращая внимания на состояние подруги – значит, мы едем с тобой в Крым.

– В Крым? – Соня престала плакать от неожиданности.

– Ну, да, у меня там тетя Вера живет, а дочка ее в Питере. Так дочка родила двойню, тетка к ней едет помогать. А мне на радостях пожить у нее предложила. Юлька, дочка её, лет семь не беременела, а сейчас такое счастье. Ну, и нам с тобой от этого одно удовольствие.

Соня не знала чему больше удивляться: Валькиному предложению или Валькиной оживленности. Ее подруга в выходные из дома не выходила, закрывалась в своей комнате, и вытащить ее куда-то было подчас очень не просто. А тут – Крым.

– Валь, я не смогу, у меня денег, я должна работать, – говорила Соня и сердце ее сжималось от желания поехать и забыться.

– Да, брось ерунду молоть, съездим на пару месяцев, успеешь еще наработаться. Тем более, – Валя хитро сощурила глаза, – я уже купила билеты. Нет, не купила, достала с превеликим трудом, у меня тетя Люба, ты ее знаешь, в кассе работает, так и ей было очень непросто.

Соня ущипнула себя за руку. Это сон? Может быть, ее подругу Вальку похитили инопланетяне и пред ней Валькин клон? Все происходящее очень мало походило на реальность. Она встряхнула головой и сказала:

– Валя, конечно, я поеду!

Подруга с визгом бросилась к ней на шею, они начали обниматься, кружиться. А потом, плюхнувшись на диван, стали строить планы: куда там пойти, что посмотреть, как загореть покрасивее.

– А Верку ты свою берешь? – спросила Соня сощутив глаза.

– Я же тебе говорю, тетя Вера в Ленинграде... тьфу, ты про Верку, – с досадой сказала Валя.

Вера, соседка Вали, всегда была камнем преткновения. Соня к ней жутко ревновала, а Вера Соню на дух не переносила.

– Сто раз говорила, она замужем. Кажется, помирилась со своим сокровищем, – сказала Валя, – да я толком не знаю, не дружит она со мной больше.

– У тебя совести нет, – сказала мать на Сонину просьбу профинансировать ее поездку, – тебе на работу устраиваться надо. У нашего Петра Ильича, моего начальника, жена Облздраве не последний человек, он обещал помочь. Ты же взрослая, понимаешь, что летом намного проще найти место, чем осенью.

– Мама, ну я прошу на пару месяцев отсрочить мою казнь. Дай я отдохну от этих экзаменов, преддипломной практики. Настрою себя на эту пожизненную каторгу. И, попроси Петра Ильича, чтобы его жена устроила меня в психушку, – там график удобный и отпуск большой. – Сказала Соня, пытаясь проглотить слезы, которые душили ее, но не смогла, а разревелась.

Мама подошла к ней, обняла.

– Бедная ты моя, бедная, – гладила она дочь по светлой голове, – какую же мы совершили ошибку. Но, не страдай, моя родная. Не лежит душа – не работай. Съезди в Ялту, отдохни, приведи в порядок мысли, подумай, чем ты хочешь заниматься. Может быть, выберешь себе другую специальность.

– Нет, – тряхнула головой Соня, – я должна отработать диплом.

– А мы ведь, с твоим отцом в Крым после свадьбы поехали. Какая там красота! А море! Я считала, что цвет морской волны так называется ради красного словца, но когда увидела эту бирюзовую воду, просто остолбенела. А рядом любимый мужчина, – сказала мама, смущенно улыбнувшись.

Глава вторая.

В поезде подобралась очень замечательная компания: симпатичный следователь из Волгограда, веселая молодая женщина с сыном будущим первокласником, только что закончивший школу романтик, который поехал на море разобраться в себе. Играли в карты, разгадывали кроссворды, хохотали над остроумными шутками следователя. Кстати, его звали Виктор. И к Соне проявлял повышенное внимание. Но она этого не замечала или просто не хотела замечать.

– Вы куда едете, девушки? – спросил он их после того, как они представились друг другу.

– В Ялту, – ответила Валя, – тетка пустила пожить. У нее внучата в Ленинграде родились.

– Нет уже такого города – Ленинград, – весело вступила в разговор молодая женщина.

– Я знаю, – легко согласилась Валя, – но мне так больше нравится.

Виктор засмеялся. Он был черноволосый, с быстрыми, как ртуть темными глазами, практически без зрачков. Среднего роста, худой, даже сухой и очень смуглый. Вале никогда не нравился такой типаж, но Виктор почему то заинтересовал.

– Я, кстати тоже в Ялту еду, – сказал следователь, – на 17 дней. Потом передислоцируюсь в Ильичевск, там у меня тетка живет. Лет сто с ней и ее семьей не виделись, очень в гости ждут, так я под конец отпуска туда заеду.

– А в Ялте Вы где остановитесь? – спросила Соня.

– Слушай, давай без «Вы», – попросил Виктор, – я буду жить у знакомых знакомых.

Жара в плацкарте стояла невыносимая. Но веселый попутчик из Волгограда нашел прекрасный выход – заворачиваться в мокрые простыни. Помогло. На всех станциях выходили покурить, купить мороженого и семечек, просто подышать жарким свежим воздухом, а по сравнению с воздухом в вагоне, он был действительно свежим и приносящим некоторое облечение.

Соня смотрела в окно, и после чреды бесконечных остановок ей стало казаться, что сейчас по расписанию будет ее недавно оконченное училище.

И когда, наконец-то они вышли на вокзал, их счастью не было предела. А впереди был самый необычный троллейбусный маршрут Симферополь-Ялта.

Соня смотрела в окно и не могла налюбоваться, и думалось, что все ее печали остались там, за этими зелеными нарядными горами.

– Когда в первый раз едешь, всегда такое впечатление, – сказал внимательно наблюдавший за ней Виктор.

Соня улынулась счастливой улыбкой. А Валя, которая в Крыму была уже сто раз, уткнулась в книжку, изредка поглядывая в окно, невидящим взором. Ее интересовало только то, что она читала.

Приехав в Ялту, девушки заспешили к другому троллейбусу – городскому. Виктор проводил их и обещал заглянуть в гости.

– Какой хороший парень, – сказала Валя ворчливо и с оттенком зависти, запихивая сумку под сидение, – вы были отличной парой. Брюнет и блондинка. Следователь и медсестра.

– Да ну тебя, – счастливо засмеялась Соня. Ее всё радовало, и даже усталость после двухдневной дороги куда-то испарилась. Хотелось побыстрее бросить дома вещи, и побежать знакомиться с морем.

Квартира у тети Веры была в небольшом двухэтажном домике. Вся такая аккуратная, рассчитанная на то, что в сезон здесь будут жить отдыхающие.

– Ты знаешь – это просто чудо, что такая жадная тетя Вера разрешила нам здесь пожить. Могла бы и жильцов пустить, – сказала Валя, раскладывая в пустой шкаф (для постояльцев) свои нехитрые вещицы.

– Валь, ну пойдем к морю, – канючила Соня, помогая ей.

– Ой, Сонька, находишься еще, а у меня книга интересная.

– Начитаешься еще, – в тон ей ответила подруга, – с собой возьмешь, на пляже считаешь.

И они обе рассмеялись. Все было легко и празднично.

– А ты совсем читать бросила? – спросила Валя, когда они вышли из дома.

Соня пожала плечами и какое-то время не отвечала.

– Я всю жизнь читала, считала себя такой грамотной и умной. Просвещенной что ли... – она опять помолчала, оглядывая окрестности, мимо которых они проходили, – а как разобраться со своей жизнью я не знаю. В книгах все просто: то князь Андрей в небо посмотрит или дуб увидит – прозрение ему. То Татьяна похорошеет. И Сашеньке Адуеву достанется такой замечательный дяденька: умный богатый и с жильем в Петербурге. И все становится на свои места, идет как надо. А я и в небо смотрю, и снов вещих жду. И нет, ничего нет.

– Так может тебе профессию поменять, – сказала Валя тихо.

– А на какую? Я не знаю, чего я хочу, к чему у меня склонность. Опять учиться пойду, а потом выяснится, что мне это не нравится. Может, посмотрю сейчас на море, и найдет на меня озарение, – сказала Соня уже бодрее.

А море уже шумело, воздух нес свежесть. Набережная была полна народа и различные кафешки гостеприимно раскинулись всюду. Девушки спустились к воде. Соня смотрела на бирюзовые волны, на раскинувшуюся ширь моря, на Ласточкино гнездо, которое виднелось вдалеке, и не верила в реальность происходящего. Вместо белого халата – белые шортики и синяя маечка на тонких бретельках. Вместо больных – нарядные отдыхающие, вместо начальника – любимая Валька. И Соне хотелось продлить это мгновение или, хотя бы запомнить состояние абсолютного счастья. Они сели на гальку, вытянув ноги, с расчетом, чтобы волны их касались. Шлепки закинули подальше – чтобы не промокли. Соня любовалась морем, следила за чайками, а Валя уткнулась в книгу.

– Валя, а у тебя парень какой-нибудь есть? – спросила Соня.

– Чтч-то, – спросила подруга, подняв на нее удивленные глаза.

– Ну, парень. Может, ты встречаешься с кем-то, или тебе кто-то нравится. Мы давно не виделись.

– Это грустная история, – вздохнула Валя и снова уткнулась в книгу.

– Так расскажи, – попросила Соня.

– Это долго.

– Мы не торопимся, – Соня пристально посмотрела на подругу, и та захлопнула книжку.

Валя терпеть не могла выходить из дома. Когда мама посылала ее за хлебом, Валя могла сама предложить испечь любой каравай, лишь бы не покидать квартиру. Маму и папу это очень сильно пугало. Тем более, Валя выросла, а на работе все рассказывали про своих детей, скачущих по дискотекам, влюбляющихся и мама даже начала сомневаться в нормальности своей

дочери. Отец сильно не задумывался, Валю он любил нежно, и считал, что она прекрасна в любых своих проявлениях.

Однажды вечером, когда родители ушли к родственникам на чьи-то именины, Валя, как обычно после изнурительных уговоров осталась дома. Был конец октября, вечер наступал быстро, она заварила себе кофе и понесла чашку в свою комнату. В этот момент раздался требовательный телефонный звонок. В тишине квартиры этот звук показался раскатом грома. Валя расплескала кофе, чертыхнулась и потрусила к аппарату, поставив кружку на пол около кухни.

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Нику, – раздался в трубке хорошо поставленный мужской голос.

– Вы не туда попали, – сказала Валя, оглядываясь на чашку. Она начала переживать, что на линолеуме останется круг, а мама заметит и опять будет полно разговоров.

– Подождите, как так – ошибся, – сказал мужчина строго, – наверное, Ника не хочет разговаривать, так Вы ей скажите сейчас, что сделать это всё равно придется.

– Нет, никакой Ники, правда. Я – Валя, мама моя – тоже Валя. Папа...

– Тоже Валя, – сказал мужчина и засмеялся очень заразительно.

Валя начала смеяться вслед за ним.

– Нет, он Анатолий, – сказала она просмеявшись сквозь радостную улыбку, которая почему-то появилась на ее лице.

– А я – Дмитрий, – ответил молодой человек.

Они проговорили полтора часа. Ника оказалась женой Димы, сбежавшей от него неделю назад с любовником. Она забрала с собой маленького сына, и Дмитрий хотел только узнать как дела у ребенка. По друзьям-знакомым он нашел этот номер, который оказался Валиным.

– Я позвоню завтра, Валюша, – сказал новый знакомый перед прощанием.

А Валя как во сне начала кружиться по коридору, пока не попала ногой по кружке, которая все еще томилась на полу с остывшим кофе внутри.

«Надо же, интересная вещь – судьба, думала Валя, вытирая коричневую лужицу, – почему ему дали именно мой номер. Это знак».

Как только Валя возвращалась домой, она устраивала дежурство у телефона. Теперь выпроводить ее на улицу было невозможно в принципе. А он не звонил. Проплелась неделя в томительных ожиданиях, звонка не было. В пятницу Валя даже на лекции не пошла, а так и сидела в коридоре. Когда пришла с работы мама, девушка с удивлением обнаружила, что она даже не ела.

Мысли в голову лезли разные. Самая допустимая была: «Он потерял номер». В субботу Валя поняла, что влюбилась по уши.

– Подожди, – прервала ее Соня, – как влюбилась. Вы же только поговорили по телефону, тем более он женат.

Валя посмотрела на свою подругу, со снисхождением. С таким выражением лица, наверное, Бог смотрит на наивных людей, которым не дано знать высшей мудрости.

– Ты не понимаешь. Это настоящая любовь. Предназначенная. Судьба все расставила по местам, для того чтобы мы встретились.

Соня кивнула со странным выражением на лице, а Валя продолжила.

Звонок раздался вечером в воскресенье. Дмитрий сказал, что ездил в командировку. Валя слушала его голос и ощущала блаженство. Как же: не забыл, позвонил. Их телефонные беседы стали ежевечерними. Они разговаривали обо всем. Обо всем, что касалась самого Дмитрия. Он жаловался на превратности судьбы, друзей, родственников, и что окружают его не те люди, и занимается волею судеб он тем, чем должен. На вопрос чем бы он должен был заниматься, Дмитрий долго молчал, а потом протянул неуверенно:

– Я бы смог написать самый лучший роман в этом веке.

У Вали сердце зашло. Конечно, он гениальный писатель. Как же могло быть иначе. И она еще раз убедилась, что это судьба.

– Так чего же он не пишет, – опять прервала ее Соня, – делов-то. Взял ручку в руку, открыл тетрадку и ваяй себе на здоровье.

– Да, а ты слышала что-нибудь про вдохновение, – набросилась на нее Валя с неожиданно сильным раздражением. – Что бы ты понимала.

Соня так растерялась, что ей даже нечего было ответить.

Сердце Вали всегда билось в предвкушении этих звонков. Она не могла дождаться вечеров и разговоров о страданиях ее непризнанного гения. Мама радостно наблюдала, как дочка тянет телефон в свою комнату, и длинный провод лежал на полу, символизируя надежду на счастье Валентины.

И наконец-то, в конце ноября, Дмитрий произнес долгожданное:

– Может быть, мы встретимся?

Конечно же, Валя была не против. Она давно ждала их первого волшебного свидания. Девушка представляла, какой огромный букет принесет Дмитрий, как они пойдут в самый лучший ресторан. Какой из ресторанов в городе лучший Валя не знала, но она полностью доверяла своему герою. Он обязательно откроется ей в своих чувствах и они будут говорить только о любви. А не встречались они так долго потому, что Димочка копил деньги. Время такое – ни у кого их много нет. Разве что у бритоголовых невоспитанных парней.

Снег еще не выпал, город был сер и уныл. Они договорились встретиться на остановке в центре. Достаточно далеко от Валиного дома. Но день был воскресный, свидание назначено на час дня, так что, расстояние не пугало. «Нормально, – думала Валя, – разглядывая знакомые улицы через стекла троллейбуса, – я должна настроиться на встречу». Но волнение с каждой оставленной позади остановкой только возрастало. Она пыталась поймать свое отражение в стекле, но у нее не получалось. Надо сказать, Валя никогда не страдала комплексом неполноценности. Она считала, что родилась на редкость красивой и умной. Мальчики в школе относились к ней благосклонно – отличница как-никак, тем более, всегда давала списывать. И вопрос о внешности никогда не всплывал в ее голове. Мама умела шить, и всегда Валя ходила в обновках. А то, что фасоны были какими-то немодными, и всегда неуместными Валя даже не подозревала. С Соней они никогда этого не обсуждали, а другая ее подруга соседка Вера, модница и красавица, часто поджимала губы, глядя на ее одежду. Но молчала – ее тактичность была результатом прекрасного воспитания.

– Валюш, привет, – услышала она звонкий голосок полный удивления, за своей спиной. Валя уже готовилась выходить, и стояла напротив дверей. Она оглянулась и увидела Веру.

– Вера, привет, – Валя не знала обрадовалась ли она. По своей соседке она очень скучала, и много вертелось вопросов на языке. Но вести с собой Веру на свидание ей совсем не хотелось, да болтать с ней ни времени, ни душевных сил не было – все мысли были заняты Дмитрием.

Они вместе спустились по ступенькам и сели на лавочку под крышу единственной, наверное, в городе приличной остановки. Сердце города, как-никак.

– Ты зачем сюда приехала? – спросила Вера, прищуривая красивые глаза.

Валя покраснела. А Вера истолковала это по-своему.

– Валюша, простишь, когда-нибудь меня. – Она очень сильно погрузилась, – я была неправа, что не пригласила тебя на свадьбу. И в гости не звала. Но, мой муженек такой фрукт оказался. И подружек не води, и в гости не ходи. И сына Данилой назвал. Представляешь, я так ненавижу это имя, хоть переименовывай сейчас. С его мамашей жить – еще то удовольствие. А как он на меня орал, – говорила Вера и мрачнела на глазах.

Валя очень нервничала. Дима должен был уже прийти. И с Верой ей хотелось поговорить до невозможности. Она была на три года старше, они подружились еще в далеком детстве. Вера ничего не читала, но была очень веселой и могла вытащить Валу из дома. А потом она

влюбилась в загадочного парня. Перестала забегать к Вале. И через год после школы вышла замуж. Валя тогда была еще школьницей, отдыхала на каникулах в Крыму, и мама потом ей сообщила, скрывая неподдельный ужас, что Вера была беременной. Валя была обижена до глубины души. Она была еще такой юной и не понимала, что это – нормально. И сейчас, сидя с Верой такой родной и любимой, она почти ненавидела ее и пугалась своих чувств.

– А почему ты о нем говоришь в прошедшем времени? – спросила Валя.

– Мы расстались, я к маме переехала вчера. Сначала пару месяцев у бабушки пожила, боялась родителей, но вчера папа приехал, помог нам с Даней, дурацкое имя, правда? – она глубоко вздохнула, – собраться. И вот, мы с тобой снова соседки.

Они немного помолчали.

– Я смотрю, ты на меня сильно обиделась, – грустно сказала Вера. Вон, как раз мой тралик едет, – красавица махнула рукой в сторону бело-синего неторопливого троллейбуса. – Я надеюсь, мы с тобой наладим отношения. – Сказала она, поднимаясь с лавочки.

Вале почему-то стало очень стыдно.

– Нет-нет, я не обиделась, просто... – слова не шли у нее с языка. – Я к тебе забегу и все расскажу.

– Хорошо, – улыбнулась Вера своей бесподобной улыбкой, – помни ты моя самая любимая младшенькая подруга, – и грациозно запрыгнула в распахнутые двери.

– Младшенькая подруга, – передразнила Соня, – всегда не могла терпеть эту кривляку.

– Ты к ней несправедлива, – ответила Валя, не выныривая из воспоминаний.

Старенький троллейбус неспеша отъехал от остановки, увозя с собой Веру – такую ненужную сейчас Вале. Она сидела на лавочке очень молодая, с побледневшими веснушками на обыкновенном лице. Русые волосы, подстриженные под Мирей Матье. «Девушкам с таким типом скул эта стрижка, самое то», – всегда говорила мама. Валя не возражала и носила этот образ класса, наверное, с пятого. Очки в старомодной оправе, которые Валя просто забыла снять, так как выбита была из колеи неожиданной встречей со своей подругой. Ни грамма косметики. Девочка-отличница, комсомолка, но не красавица, увы. Именно такой ее увидел Дмитрий, давно поджидавший за киоском. Он с суровым видом, который напустил на себя от нерешительности подошел к этой девушке, гадая она это или не она. Все-таки он надеялся увидеть что-то поярче в этот серый день. Да и его воображение непризнанного писателя, с самого начала нарисовало картинку юной роковой красотки. Ему было двадцать шесть лет. Взрослый, почти уже неженатый. Его взбалмошная, капризная супруга собрала вещи и убежала к своему новому любовнику. Именно такая версия нравилась Диме больше всего. А куда еще она могла уйти с такой внешностью, не к маме же. Все его друзья облизывались на его законную супругу. А теперь конец. Надо искать другую. Не может он без красоты и молодости. Вроде бы проще вернуть жену. Но... не хочется, поднадоела она. И без сына стало дома спокойней. Лучше встречаться с ним раз в неделю, а то и в две.

Высокий, хмурый, как ноябрьское небо и красивый как Челентано в молодости, если бы тот был блондином с голубыми глазами, конечно же. Таким увидела его Валя, когда он неспешно подошел к ней.

– Валя? – спросил он с интонацией, которая все же содержала надежду, что это не она.

– Дмитрий, – пролепетала Валентина чужим голосом, с трудом ворочая во рту тяжелый онемевший язык.

– Он был просто поражен, когда увидел, какая я хорошенькая, – сказала Валя, повернув к Соне голову, – он думал, что такие умненькие всегда некрасивые. Но тут ему повезло. Я – настоящая красавица.

Это не было вопросом, а простой констатацией факта. Поэтому Соня неопределенно помывчала. А Валя продолжила.

« Вот интересно, – думала Соня, во время того, как Дима с Валею гуляли неприкаянно по Коммунистической, – она действительно, когда смотрит в зеркало видит там неоспоримую красоту? Какие химические реакции происходят в ее голове, если такая простая внешность кажется ей чем-то достойным короны Мисс мира. Я себе не нравлюсь совершенно. Везет Вальке».

Они шли по пешеходной улице, рассматривая витрины и пытаясь найти контакт. Дима сражался с разочарованием, а Валя с очарованием.

– У меня здесь друг в гостинице работает. Давай зайдем, посидим, а то холодно, – предложил Дима, указав на серое двухэтажное здание.

Валя кивнула. Они подошли. Рядом с входом в гостиницу располагалась дверь в магазин. Дима уверено ее толкнул.

– Ты что любишь пить? – спросил он Валью, оглядывая небогатый ассортимент прилавка. Валя пожала плечами.

– Не знаю, я еще ничего не пробовала.

Продавец хмыкнула, и Дима посмотрел на нее испепеляющим взглядом.

– Мне, пожалуйста, «Клюкву на коньяке», – сказал он, гневно сверкая глазами на работницу торговли, – и...

– Водку, – не спросила, а скорее сказала за него продавец.

– Да, водку, – Дима практически зашипел.

– Еще что? – спросила девушка выставляя на прилавок две бутылки.

– Больше ничего.

– Опять яблоками закусывать будете? – спросила она и засмеялась.

– Не твое дело, – крикнул Дима, швырнул на прилавок деньги, схватил бутылки и потащил Валью к выходу.

– Вы знакомы? – спросила Валя.

– Да, отдыхала как-то с нами, я частенько захожу к другу.

Они вошли в тесный холл. Гостиница хотя и называлась «Уютная», но не соответствовала своему имени. Мрачные тона, обшарпанные обои, выдавшая виды мебель. Вале хотелось уйти, пока она стояла у давно не мытого окна, ожидая Диму. Он перешептывался о чем-то со своим другом, кстати, очень пренеприятным типом.

Дима поманил Валью, и они пошли на второй этаж по узкой, скрипучей лестнице. Комната, в которую они вошли, изрядно помучавшись с замком, была узкая как пенал. В гостинице не топили, в номере было тесно и холодно. Дима сел на кровать, поставил бутылки на стол. А Валя присела на краешек стула.

– Снимай куртку, расслабься, – сказал он, заметно веселея.

– Так холодно, – пролепетала Валя.

– Сейчас согреешься, – Дима уверенно плеснул «Клюкву» в пыльный граненный стакан.

-Ты с ним стала пьянствовать? – удивилась Соня и весело засмеялась, – в жизни не поверю.

– Ну, не пьянствовать, зачем ты так? – нахмурилась Валя. Она всегда не любила называть вещи своими именами.

После первой рюмки, или, точнее стакана водки, Дима почувствовал себя уверенней. Начал рассказывать Вале про свои достижения на литературном поприще. Слова пробивались через Валины уши с трудом. Там как будто была вата, а небо горело, в горле першило. А Дима настойчиво подливал эту ненавистную клюкву.

«Как йод разбавленный», – мелькнуло у Вали в голове. А потом она каким-то образом оказалась на кровати. Чужие руки трогали все ее тело. «Хоть грудь удалась», – удовлетворенно

думал Дмитрий. Валя совсем не сопротивлялась, она же любила. Только когда Дима целовал, ее почему-то мучило, во рту было слишком мокро и как-то пресно. Он слегка отстранился и стал снимать рубашку, а Валя подняла глаза вверх и увидела ползущего жирного таракана. Тогда-то ее и вырвало.

– Так у вас ничего не было? – спросила Соня.

– В тот вечер – нет, – сказала Валя грустно, – представляешь, так неудобно, некрасиво получилось с этим моим, – она долго подбирала слово, – казусом. Туалет в этой гостинице в конце коридора, который мне показался очень длинным. Я все шла и шла до него, голова кружилась, стены обступали меня. Они такого грязно-зеленого цвета. Я зашла в туалет, посмотрела на эти ужасные унитазы, которые сто лет не мыли...и меня снова вырвало. Потом взяла ведро, убиралась в этом чертовом «пенале».

– Да тебя рвало, скорее всего, от этой «Клюквы на коньяке», да от Димочки драгоценного, а не от брезгливости. – Сказала Соня язвительно.

Солнце уже закатилось, пора было собираться домой. И жутко хотелось есть.

– Ты не права, – сказала Валя, отряхивая свою юбку, – зачем ты с таким неуважением отрываешься о Дмитрие. Он – прекрасный человек.

– Ага, – согласилась Соня, – испортил малолетку в грязной гостинице.

Валя насупилась, хотела что-то возразить, но передумала.

Девушки купили по паре чебуреков в палатке на набережной, выстояв предварительно большую очередь. Они молчали, так как были утомлены беседой. Валя, как обычно, анализировала произошедшее с ней, и чувства такие возвышенные и чистые, после того, как она проговорила это вслух, не казались ей уже безупречными. Они сели на лавочку и прикончили теплые и вкусные пирожки.

– Я пить хочу, – сказала Соня, вытирая пальцы салфеткой. И с досадой понимая, что одной салфетки очень мало для таких жирных пальцев.

– Я тоже, – ответила Валя, прожевав. – Пойдем, чаю выпьем. Сейчас только выберем кафе попроще.

Такое нашлось быстро. Деревянные лавки и длинные столы, соединенные друг с другом. «Как парты старого образца», – подумала Соня. Девушки продавщицы сидели за столом и беседовали о чем-то с весьма серьезным видом. Валя тактично покашляла. Неопрятная крашеная блондинка недовольно обернулась, но постаралась взять себя в руки:

– Чем могу помочь, – спросила она, навешивая на лицо полуулыбку.

– Нам по чашке чая, – сказала Валя.

Девушка стерла с лица признаки приветливости и отрывисто бросила:

– Садитесь, принесу.

– Только мне без сахара, – крикнула в ее раздраженную спину Соня. – Знаешь, – сказала она Вале, усаживаясь напротив нее, – я обо всем догадалась.

– О чем спросила Валя? – ища взглядом салфетки.

– Да, про Димочку твоего, зря ты скрываешь, я не такая дура.

– Что скрываю, – удивилась Валя, посмотрев на Соню.

– Что он муж твоей разлюбленной Верки.

– Соня, ты о чем... – сказала Валя тихо и испуганно

– Ваш чай, – блондинка швырнула чашки девушкам, – с вас шесть гривен.

– Шесть гривен!!! – Закричала Валя, – шесть гривен за две небольшие чашки кипятка, – она брезгливо схватила пакетик с блюдечка, – да еще и пакетик без обертки!!! Забегаловка.

Официантка уперла руки в боки и закричала в ответ.

– Вот и пейте чай в своей Москве на берегу моря. Если найдете там море.

Ее подружки одобрительно засмеялись. Видимо, это было обыденным аргументом.

– Мы не москвички, – сказала Соня.

– Вот, – Валя полезла в кошелек, – вам 3 гривны. Если не устраивает – зовите хозяина, бандитов, консула российского.

Блондинка хмыкнула и ушла.

– А у нас в Крыму есть консул? – удивилась Соня.

– С чего ты взяла, что он муж Веры, – закричала Валя.

Официантка, уже усевшаяся к своим подругам, испуганно оглянулась.

– Но он же жену свою у тебя искал, – растерянно проямлила Соня, – а у вас с Веркой только одна цифра отличается. Я иногда к ней попадала, когда тебе звонила.

Валя с остервенением взяла в руку чашку, глотнула и сильно обожглась.

– Точно, – сказала она, ставя чашку и плача от боли или от обиды, – как я сразу не догадалась. Теперь все сходится.

– Что сходится? – спросила Соня, умирая от жалости.

– Да всё, – ответила Валя, положив голову на скрещенные руки на столе, и разрыдалась в голос.

– Ну как, как я сама не догадалась, – всхлипывала Валя. – Верка же – Вероника, она так ненавидела это имя, что даже не представлялась так. А Дмитрий, он же... вот гад. Он поэтому и на первое свидание опоздал, и назначил его так далеко от дома.

– И все равно чуть с Веркой не пересёкся, – усмехнулась Соня, – прикинь, как он струхнул, разглядывая вас из-за киосков.

Официантки перешептывались и поглядывали на них с интересом.

– Может еще чайку за счет заведения? – спросила блондинка.

– Можно, – кивнула Валя.

Девушка принесла на подносе заварочный чайник, от которого шел ароматный дым. И стала аккуратно наливать в чашки.

– Не горюй, – сказала она Вале, – бросай козла, если еще не завязала с ним. Женатики гады такие. Я тоже два года маялась, думала, что жену решиться не может бросить. А он ребенка успел второго сделать, пока со мной миловался. А я... – лицо ее помрачнело, – аборт сделала. Он заставил: «не время пока, рано». Выходит, моего малыша на законного променял...

Валя, смотревшая на нее вовсе глаза, опять разрыдалась. Девушка тоже хлюпнула носом и ушла обратно. После того как чай был допит, а все слезы выплаканы, подруги пошли домой. Когда они открывали дверь в квартиру, то слышали, как надрывается телефон.

– Алло, – Валя схватила трубку.

– Валюша, где же вы ходите, – услышала она на том конце голос тети Веры.

– Гуляли, тетя, – ответила Валя.

– Валечка, завтра к вам квартиранты приедут, ты квартиру подготовь, – сказала тетка.

– Какие квартиранты, а мы же как? – опешила Валя.

– Ну, деточка, деньги нужны, не буду же я их с родной племянницы брать. Завтра приедут две пары. Ты ту, которая из Николаева засели в зал, а из Херсона – в маленькую комнату. Деньги они тебе отдадут – ты мене их почтовым переводом сразу вышли сюда. Адрес записывай...

– Тетя Вера, подожди, не части, – сказала Валя, – у тебя же две комнаты, а где мы с Сонькой жить будем? Бомжевать? То есть, как я понимаю, нам сейчас надо идти квартиру искать?

– Ни в коем разе, – залилась соловьем тетушка, – а балкон для чего? Ночи теплые, там вы как раз поместитесь. Да ты сейчас к соседке, тете Любе зайди, она еще не спит. Любаша все

поможет устроить. Да, еще, – голос тети Веры стал строже, – ты смотри там за отдыхающими, убирай чистенько.

– Тетя Вера, – взревела Валя, – я тебе прислуга что ли?

– А ты думала в Крыму два месяца бесплатно жить? – удивилась тетка, – ладно ты, а подружка твоя мне кто?

Валя с остервенением шарахнула трубку на аппарат.

– Что? – спросила перепуганная Соня.

– Узнаю родную тетушку Верушку, – прорычала Валя, распахивая дверь.

Тетя Люба открыла сразу. Это была пожилая женщина с хитроватыми глазами, Вале она никогда особо не нравилась.

– Здравствуй, Валюша, – пойдем я тебе покажу, как вы устроитесь, – заверещала соседка, показывая хорошую осведомленность.

– Привет, Валя, – в дверях появился Саша – сын тети Любы. Двадцативосьмилетний, добродушный парень, Валя всегда была с ним в хороших отношениях. Они все вместе перешли в квартиру тети Веры.

– Доброго вечера Вам, девушка, – кивнул Саша Соне, – Александр.

– Софья, – в тон ему ответила Соня.

Они прошли к балкону.

– Да, добрая-предобрая у тебя тетушка, – сказал Саша, сооружая из свернутых в углу матрасов ложе для девушек.

– А мы не простудимся? – спросила Соня.

– Не должны, – откликнулся Саша, – сейчас тепло и на полу доски. Тетка Верка ваша всегда тут спит. Напустит жильцов, а сама здесь почти что все лето.

– Нет, я не понимаю, зачем она тогда меня приглашала, да так настойчиво, раз мне место только на балконе, – взорвалась Валя.

– А кто за гостями следить будет? Убирать? – ухмыльнулась тетя Люба, – меня просить – деньги платить надо, а ты, вроде как ей должна за крышу над головой.

– Да, за крышу балкона, – буркнула Валя.

Естественно, на первую ночь, пока никого не было, они устроились на кроватях.

– Да, выдался у меня денек, – ворчала Валя.

А Соня провалилась в сон тут же, как только легла.

Глава третья.

В пять утра раздался настойчивый стук в дверь. Валя сразу вскочила, а Соня, не пошелохнулась, доказывая, что ее не зря так назвали.

Валя открыла дверь, на пороге стояла семья: супруги лет тридцати и ребенок, по виду младший школьник.

– Здравствуйте, отрывисто сказал мужчина, – мы из Херсона. Вера Павловна должна была предупредить.

– Да-да, проходите, – Валя отошла вглубь коридора, пропуская гостей. – Вот это ваша комната, – показала она рукой на маленькую комнату, – располагайтесь, а я спать пойду. Разберетесь, что к чему, где ванна и где туалет.

– А кроватку для ребенка? – спросила женщина.

Валя почесала затылок, зашла в зал, пошарила по углам. Потом прошла в кладовку и выудила оттуда раскладушку и маленький матрасик. Разложила все это в зале.

Соня проснулась в семь утра, как обычно. Она никогда не разрешала себе валяться в кровати долго. Её очень обижали безобидные шуточки такого рода: «Ты Соня, значит, любишь поспать». И она даже в выходные вскакивала с постели рано.

– Ну, ты и соня, – съязвила Валя, сидящая в кресле с книгой.

– А сколько время, – Соня испуганно начала искать часы.

– Да время-то семь, просто я удивляюсь, как тебя наши гости не разбудили, – вздохнула Валя.

– Что уже приехали, – Соня пригорюнилась. Она не любила чужих людей, и спать на балконе ей совсем не хотелось.

– Херсонские, а из Николаева еще не прибыли, – не успела Валя произнести последнее слово, как в дверь раздался настойчивый стук.

– Накаркала, – проворчала Валя, и пошла открывать.

Туристами из Николаева оказалась молодая девушка, ровесница Сони и Вали и ее мама.

– Ой, как хорошо, что здесь девчонки молодые, – весело защебетала она, – меня Света зовут, а вас?

– Соня, – сказала Соня, проскальзывая в ванну.

– Валя, – ответила Валя, меняя простыни на кровати.

Захлопали двери, херсонские отдыхающие пытались прорваться в ванну, в которой крепко засела Соня.

Валя посмотрела на все это и вышла на лестничную клетку, немного подумала и нажала на звонок соседской двери.

Открыл заспанный Сашка. Валя толкнула его плечом и прошла на кухню. Села за стол и нахмурилась.

– Ты чего?– спросил сосед.

– Всю жизнь мечтала жить в общежитии, – вздохнула Валя, – чего мне с ними делать-то теперь?

– А ты деньги взяла с них уже? – спросила тетя Люба, появляясь на пороге.

– Н-нет, точно, – Валя хлопнула себя по лбу, – тетка что-то говорила про деньги и почтовый перевод.

– Вот, – сказал тетя Люба, – поручила ребенку неученому такое важное дело. Скрыга. Иди сейчас, возьми с них деньги.

– А сколько, – растерялась Валя.

Тетя Люба вздохнула, пошла в коридор. Зашуршала бумажками на полке, а когда нашла нужную, стала набирать номер, вращая со скрипом диск старого оранжевого телефона.

– Вера, здорово, я в любезностях не буду рассыпаться, сразу к делу, – загремел ее голос, – что Валюшке-то делать?

Потом начали доноситься всякого рода «ага», «угу».

– Добрая ты, Вера, ох, за разговор, кстати, вернешь мне по приезду, – сказала женщина и швырнула трубку на аппарат. Тот обиженно крякнул.

Тетя Люба вошла на кухню, держа в руках бумажку.

– Вот это возьмешь с Николаевских жильцов, – она ткнула своим толстым пальцем в верхнюю цифру, наклоняясь над Валией с бумажкой, – видишь, я здесь «Н» поставила, а это за Херсон, где буква «Х». Возьмешь сейчас деньги, и на почту. Херсон на недельку, но потом, может, продлит. Отправишь почтовый перевод вот по этому адресу.

– Ладно, а делать-то что мне с гостями, – Валя чувствовала, как на нее накатывает усталость, после вчерашней исповеди и утренних переживаний. Сашка гремел сковородками. Что-то мыл в раковине и весело напевал.

– Ты, главное, воду в тазики набирай, у нас же, сама знаешь, отключают на вечер. И, бывает, днем нет. Туалет раз в день мой. Засыпай хлорамином, в аптеке купишь. Влажную уборочку по утрам...

– А этот, тот, что в аптеке, я должна за свои покупать? – спросила Валя.

– А за чьи? – удивилась тетя Люба.

Валя вздохнула и встала.

– Подожди, – обернулся от раковины Сашка, – сейчас сделаю яичницу с помидорами.

– Боюсь, я не осилю, – ответила Валя и пошла к себе.

Она взяла деньги с отдыхающих, набрала в тазы воду, выдала всем по комплекту ключей.

– Пошли отсюда, – сказала ей Соня.

– Куда?

– На пляж, гулять. Не сидеть же дома, тем более, мы имеем право только на балкон...

– Ах, ну да, – Валя стукнула себя по лбу, – нужно же этой гадкой тетьке Верке деньги отправить.

Девушки вышли из дома, прихватив с собой все, что нужно для пляжа. Крымское утро раскрасило все вокруг нежными цветами. Солнышко еще такое ласковое и заспанное было безопасным для их незагорелых тел. Валя смутно помнила дорогу – пара остановок на троллейбусе, там повернуть направо и, как ни странно, почта нашлась довольно быстро. Только народу там было – тьма. Пока они стояли в очереди устали до безобразия.

– Я надеюсь, что когда моя тетушка умрет, то она попадет в ад, – сказала Валя, удобно устраиваясь на лавочке, рядом с почтой, – ей достанется самая большая сковородка, и самый неутомимый черт.

– Нет, пусть лучше она попадет на эту почту и будет ходить сюда каждый день на протяжении ста лет, – ответила Соня и весело рассмеялась.

Её абсолютно ничего не раздражало. Подумаешь, спать на балконе, зато не в ненавистной больнице. И грядущее трудоустройство далеко-далеко, как будто в другой жизни. Настроение было прекрасным.

– Ты знаешь, – сказала Валя, – я проголодалась.

– Пойдем к нашей новой знакомой, – предложила Соня.

Они встали с лавочки и побрели по направлению к морю.

– А ты, кстати, помнишь, где эта кафешка? – спросила Соня.

– Совсем нет, – призналась Валя, – поищем.

Девушки брели по улочкам и молчали. У них были очень хорошие отношения – в которых комфортно молчать.

– Ой, смотри, – радостно закричала Соня, – столовая.

В столовых питаться было куда приятнее и дешевле. Подруги заказали себе сырников, компота, Валя взяла какую-то кашу, на которую Соня даже смотреть не смогла, так как каши ненавидела в принципе. И, поев, абсолютно довольные, они вышли на улицу.

– На пляж? – спросила Соня.

– Да, – проворчала Валя, – ехала сюда и мечтала позагорать, но никак не жить в коммуналке. Чертова Верка.

– Зачем ты так о тетке, неприлично же, – слабо возразила Соня.

– Да я не о тетке, я о своей соседке, – ответила Валя с досадой.

– Ты мне не до рассказала, что там дальше было.

Дима храпел на кровати, когда Валя вылила последнее ведро в туалете. «Пенал» сиял чистотой. Единственно, о чем сейчас мечтала Валя – обладать даром телепортации, усилением мысли переместить себя в свою, такую уютную комнату. Но до дома было ,ой, как далеко. Денег на такси тоже не было. Да что там денег, даже мысль о том, что можно добраться на такси не приходила в Валину голову – она же не богачка какая-нибудь. Валя растерянно смотрела на Дмитрия храпящего, прекрасного и думала: будить или не будить. Не решилась, тихонько оделась и вышла из комнаты. Внизу, на ее счастье никого не было и она, облегченно вздохнув, покинула это жуткое место. Уже стемнело, воздух был влажным и холодноватым, но это отрезвляло.

«Сколько же время, интересно? – думала Валя, – Наверное, часов одиннадцать».

Она шла по направлению к остановке, серый асфальт все время пытался куда от нее ускользнуть, но она старалась держаться прямо и не упасть. Людей вокруг она не замечала, и весь мир казался ей таким мерзким и противным, как преснота во рту после Диминых поцелуев. Перед остановкой висели часы, которые показывали только... семь вечера.

«Хоть что-то радостное», – подумала Валя, усаживаясь в троллейбус. Дорога домой была очень длинной и утомительной. Приходилось справляться с тошнотой, чувством стыда и разочарования. Когда Валя шла домой она, по дороге, присела на лавочку, и ее опять вырвало. А это было тоже крайне удобно, потому что ее увидел папин сослуживец – дядя Сережа.

– Валюша, давай я тебя домой провожу, – сказал он участливо, помогая ей подняться. – Эх, молодость, я тоже курсантом был, тоже без меры праздновал. – Он добродушно подмигнул ей, а Валя чуть не расплакалась.

К счастью, дома никого не было. Девушка умылась, почистила зубы и легла спать. Ей снились какие-то кошмары, как будто она пьет йод из литровых бутылок, а ей так хочется простой, чистой воды. Это чувство и подняло ее с кровати среди ночи. Она пошла на кухню и тихонечко выпила почти всю воду из чайника.

– Валюша, вставай, – слышала она, как до нее откуда-то сверху доносится мамин голос.

– Мама, ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда меня называют Валюша, – сказала она тяжелым языком, который еле ворочался.

Тут с нее стащили одеяло, яркий свет был невыносим и она села на кровати.

– Валя, – сказала мама строго, – вся комната пропахла перегаром. Я очень рада, что начала ходить встречаться с друзьями. – Мама помолчала, – но так напиваться молодой девушке не стоит. Собирайся, ты опоздаешь.

Валя опять легла и прорычала:

– Мама, но неужели не понятно, что я сегодня никуда не пойду.

Мама вздохнула, встала с кровати сказала:

– Да, наверное, так будет действительно лучше.

Выходя, она выключила свет и тихонько закрыла дверь. А Валя опять провалилась в сон тяжелый и темный.

– Вон смотри, там какое-то сооружение типа пляжа, – сказала Соня, прерывая Валин рассказ.

И, действительно над морем стояли лежаки, была крыша от солнца. Но вход туда, как выяснилось платный. Девушки вздохнули и заплатили, ведь им предстояло здесь провести весь день, а без защиты от солнца – никак. На пляже без зонтика они превратились бы в пепел. Они устроились на лежаках, и Валя продолжила.

Весь день ее преследовал стыд и чувство вины. А еще она ждала, что позвонит Дима. Но телефон молчал. Читать не хотелось, заниматься тоже, голова потрескивала, и ничего в этой жизни не радовало.

Через несколько дней жизнь начала налаживаться. Валя зашла к Верке, но у той не было времени даже поболтать, она чем-то была озадачена, и практически вытолкала Валю из квартиры, обещая на днях заглянуть, показать свадебный альбом.

– Вот бы ты удивилась, – засмеялась Соня.

Валя, впервые за время рассказа улыбнулась:

– Да, ну тебя, я о серьезном, а ты все шутишь...

Дима позвонил опять в конце недели. Как будто ничего не произошло. Сказал, что все плохо, как обычно, что соскучился и пригласил Валю снова на свидание.

– Куда? – нетерпеливо спросила Соня.

– Куда, куда, – заворчала Валя, – в «Уютную», конечно.

– Фу, – скривилась Соня, – и ты пошла?

Валя замолчала, достала из сумки книгу, демонстративно раскрыла ее и стала читать.
– Валя, ну ты чего, прямо слова тебе скажи, – Соня подвинулась к ней поближе.
– Ты, оказывается, не умеешь сопереживать, – сказала Валя.

Соня вздохнула, честно говоря, она устала. Она уже второй день слушала эту «любовную» историю. Глупую, нелогичную, некрасивую, так несочетающуюся с ее умной утонченной подругой. Местами было скучновато, местами противно, да еще, оказывается, слова для комментариев подбирать тщательно надо. Она вздохнула, поднялась с лежака, и пошла вниз, к морю, искупаться и отвлечься от этой тяготы, подумать о себе. В конце концов, у нее в душе тоже была черная дырка, про которую хотелось рассказать. Но было как-то не к месту и некогда.

Лазурное море поражало своей красотой и величием. Оно взглянуло на Соню с осознанием собственного превосходства, подкатывая к ее ногам тугие волны. Соня даже не представляла, что море такое. Что он такое огромное, так много воды сразу. Она опасливо зашла, сначала по колено, потом дальше – и стало сразу глубоко. Девушка нерешительно окунулась – и поплыла. Чувства, неведомые раньше, нахлынули на нее. Как будто в этих бирюзовых волнах тонули все страхи, несбывшиеся симпатии к знакомым молодым людям, некупленные красивые вещи. Все это было неважно, раз можно искупаться в таком прекрасном, величественном море.

Вдоволь наплававшись, Соня вышла на берег. У этого платного пляжа была своя особенность: попасть на него можно было только сверху, сам кусочек пляжа был отгорожен горой, крохотный как блюдечко. Соне хотелось погулять по берегу, но пришлось бы подниматься наверх и договариваться, чтобы потом ее пустили обратно.

«Как в тюрьме», – вздохнула Соня, рассматривая чаек и обсыхая на берегу. К Вале ей идти пока не хотелось.

Ее внимание привлекла молодая пара: девушка с распущенными мокрыми волосами и парень, загорелый до черноты. Они весело плескались в воде, прерываясь на поцелуи. Солнечные блики попадали на нежную щеку девушки, на сильную руку ее парня, и сердце у Сони сжималось. Ей не везло в личной жизни. Она легко знакомилась с парнями, встречалась с ними пару раз и, они куда-то исчезали. А за одним она даже бегала. Соня встряхнула головой – она запретила думать себе об этом, что бы не сгореть от стыда.

– Привет, – услышала сзади бодрый голос. Соня вздрогнула и оглянулась.

Виктор, улыбаясь во всю ширь, расстилал покрывало рядом с ней.

– Я смотрю, – Валька сидит и мечтает о чем-то, грустная-прегрустная, – сказал он, снимая футболку.

– А разве она не читает, – удивилась Соня.

– Нееет, – продолжил Виктор, стягивая шорты, – грустит что-то, думу думает.

– Так вот, – продолжил он, аккуратно складывая снятую одежду, – я спрашиваю: «А Соня где?» – она и сказала, что ты купаешься. Я ей говорю: «Пойдем, тоже окупнешься», а она только головой покачала.

Соне стала неуютно и грустно. Но Виктор, легонько схватил ее за локоть и потянул за собой в море. Она не стала сопротивляться. Виктор сразу поплыл уверенным кролем, рассекая волну сильной рукой. А, наплававшись, вернулся к Соне, которая плескалась у берега. Они начали дурачиться и беситься:

– Мы с тобой как два тюленя – сказал Виктор, выныривая из накатившей волны.

– Ну, – обиделась Соня, – какой же я тюлень.

– Хорошо, – легко согласился Виктор, – ты худенький тюлень.

– Ну, ты тоже худой, – засмеялась Соня.

– Пойдет, мы два худых тюленя, – сказал Виктор, и снова нырнул в бирюзовую воду.

Набаловавшись, они вышли на берег. Валя все не спускалась.

– Вы поссорились, что ли, – спросил Виктор.

– Даже не знаю, – пожала плечами Соня, – она на меня обиделась на ровном месте. Я не удивилась, давно за собой замечаю – на меня все всегда обижаются.

Виктор вскинул брови.

– Прямо-таки все и всегда?

– Ты меня озадачил, – засмеялась Соня, эта тема обычно вызывала в ней грусть, но после принятия морских ванн, да еще и в такой приятной компании, печаль испарилась. – Просто я замечаю, что все, что бы я ни сказала, вызывает острую реакцию.

– Не принимай близко к сердцу, – сказал Виктор, ложась на спину и с удовольствием подставляя лицо солнечным лучам, – они же не парятся о том, что тебе неприятна такая реакция, вот и ты не замечай.

Соня помолчала, подумав, что по большому счету предложение толковое, но практически невыполнимое. Из разряда «проще сказать, чем сделать» или «чужую беду рукой разведу». Но и об этом думать не хотелось. Душа требовала радости, выкидывая в тугие волны все плохие мысли.

«Правильно, пусть тонут», – лениво подумала Соня и закрыла глаза.

Они с Виктором болтали о всяких пустяках, вертелись туда-сюда, чтобы «не сгореть дотла», как образно выразился отпусковой следователь.

«А он интересный парень», – подумала Соня, и тут же мысленно вздохнула, прогоняя от себя эти мысли.

Виктору не лежалось долго. Он был сгустком энергии. В его худощавом невысоком теле работал трудолюбивый генератор.

– Пойдем еще купаться, последний раз, – сказал он, критически разглядывая Соню, – а то ты превратишься в пепел, и развеешься над морем.

Они опять плескались, барахтались, перепрыгивали через волны.

– Всё, – сказал Виктор минут через пятнадцать, – тебе хватит. Поднимайся наверх к Вале, сиди под крышей, а то сгоришь.

Соня послушно вылезла из воды и пошла наверх. Валя сидела на лежаке и смотрела куда-то вдаль.

– Ты чего не купаешься? – спросила Соня.

– Мне плохо, – ответила Валя.

– В смысле? – Соня разволновалась, – живот болит?

Она совершенно искренне считала, что нет ничего хуже пищевых отравлений, и боялась их до обморока.

Валя вздохнула и посмотрела на подругу взглядом полным скорби.

– Соня, ну почему ты такая черствая? Я страдаю от любви.

– Я? Я еще и черствая, – психанула Соня, – да, я, наверное, никогда бы не влюбилась в телефонные беседы, чтобы так переживать. Дура я, не надо было про Верку говорить. Блин, мне даже сказать нечего.

И она в ярости рухнула на лежак. Вроде все так неплохо, и на тебе, вместо ненавистной работы – живи на балконе и еще слушай несправедливые обвинения.

– Что за шум, а драки нет? – бодро спросил подошедший Виктор.

– Сейчас будет драка, еще какая, – сказала Соня, привстав с лежака. – Нет, ну надо же, так мне настроение испортить!!!

Девушки насупились и стали смотреть в разные стороны.

– Валя, ну давай, рассказывай, что у вас произошло, может я чем помогу, – спросил Виктор, присаживаясь к ней на край лежака.

Валя вздохнула и в нескольких предложениях поведала все, что ранее рассказывала Соне несколько часов.

«Во истину – краткость сестра таланта», – подумала Соня.

– Ну, и чем же все закончилось, или не закончилось? – спросил Виктор.

Валя вздохнула и начала рассказывать.

Так как она уже знала куда идти, Дмитрий ее не встречал. Его друг с ухмылочкой, как показалось Вале, проводил ее наверх. На столе стояла бутылка водки и не хитрая закуска – кусок колбасы и половина батона. И еще не очень чистый графин с водой.

– Проходи, Валюша, – сказал Дима, сделав приветственный жест рукой.

Соня еле удержалась, что бы не спросить: «Как тебе то, что он назвал тебя Валюшей, ты же очень это любишь?».

Валя робко присела на край кровати.

– Здорово ты напилась в прошлый раз, – хохотнул Дмитрий, – в этот раз давай водочки, может не так развезет, как с этой крашенной отравы.

– Нет-нет, спасибо, – Валя с ужасом смотрела на жидкость в бутылке. Даже мысль о том, что это можно понюхать, вызывала в ней рвотные спазмы.

Дима усмехнулся и плеснул ей немножко водки в граненный пыльный стакан. Валя смотрела на него обреченно, и чтобы не расстраивать любимого сделала небольшой глоток. Слезы брызнули из глаз, и стало препротивно в горле и желудке.

А Димочка завел разговоры на возвышенные темы, про то, что жизнь меняется и такие люди, как он больше не нужны. А требуются только спекулянты и рвачи. А такому парню, как он с тонкой душевной организацией не место в этом государстве.

– Надо уезжать, – громогласно возвещал Дима, – в Америку например. Там умеют ценить человека. Или в Европу. Мне нужна свобода. Только там, там я могу ее обрести. Ты меня понимаешь?

Валя кивнула.

– Только ты, ты меня понимаешь. А другие вокруг – равнодушные сволочи. «Иди, зарабатывай, сына корми, ты же мужик», – заверещал он, явно кого-то копируя. – Тьфу.

И, расчувствовавшись, он придвинулся к Вале. Она вся сжалась и задрожала то ли от страха, то ли от любви. Она сама не могла дать оценку тому, что чувствует. А он ее целовал, трогал грудь. Во рту было пресно, на душе гадко.

«Я же совсем не это должна чувствовать», – с ужасом думала Валя. А потом стало очень больно, она даже укусила себя за губу, чтобы не взвыть от неожиданной боли. И продолжалось все это долго-предолго, он пыхтел, лез поцелуями, мял грудь, но никак не слазил, нервничал. Только потом слегка расслабился, навалился на нее всем телом, полежал минутку и слез.

– Я когда выпью, не могу все довести до конца, – сказал он ни капельки не смущаясь, – не судьба сегодня мне кайф словить.

Когда он стал натягивать на себя штаны, его ждал неприятный сюрприз.

– Ты что девственница? – взревел он.

Валя покраснела и кивнула головой.

– Черт, вот же вляпался, теперь все в крови, черт, черт, – он ругался и даже трезвел на глазах.

– Чего сидишь, – грубо прикрикнул он на Валю, – иди за ведром.

И опять Вале пришлось мыть, и даже стирать. Пока она наводила порядок. Дима сидел с мрачным видом и пил. Изредка косо на нее поглядывая.

– Ладно, Валюша, давай собирайся – и домой. Мне надо еще с другом поговорить, дело есть, – сказал он сквозь зубы.

Валя оделась и как тень вышмыгнула из комнаты. Пока она шла до остановки, чувства такие неприятные, такие гадкие терзали ее. В-первых, было очень больно физически, она еле шла; во-вторых, все это не было похоже на любовь; в-третьих, обидно.

Не так она себе все представляла. А еще ей было обидно, что она не испытала никаких приятных чувств, как и сама не вызвала в нем таких же.

Она тихонько выпила чаю с родителями. Они пообсуждали какие-то несущественные проблемы, мама в своем репертуаре, рассказал подробности из жизни своих коллег. Папа молча кивал и, как обычно, не слушал.

А в девять часов раздался звонок.

– Дочка, это тебя, – прокричала мама из коридора. – Молодой человек, сказала она тихонечко, передавая дочке трубку, и подмигнула.

У Вали сжалось сердце, когда она услышала такой родной и любимый голос.

– Привет Валентина, – сказал Дмитрий. – Прости если что не так. Я был слишком ошарашен. Ты подарила мне невинность.

– Да что ты, – залепетала девушка, – все хорошо. Я...я люблю тебя.

Дмитрий на том конце провода откашлялся.

– И я тебя.

Они помолчали.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дима.

– Болит... там, – ответила Валя смущаясь. – Но слышу твой голос, и мне становится легче.

– Выздоровливай, любимая, – сказал Дмитрий и отключился.

Так и начали они общаться. Он звонил по вечерам, они болтали ни о чем. Вале было отрадно слышать его голос. Единственно, что смущало, разговаривали они теперь недолго. Пара минут и все. И, примерно через месяц после произошедшего, состоялся их последний разговор. Дмитрий траурным голосом сообщил, что возвращается к жене, так как сыну нужно расти с отцом.

– Это психолог сказал, – завершил тираду чужой муж.

– Ах, ну раз психолог, тогда понятно, – прошелестела Валя, – прощай.

– Прощай, любимая, я никогда тебя не забуду, – сказал Дмитрий и отключился.

Валя так и стояла с трубкой в руке, слушая короткие гудки. Потом опомнилась, положила ее на телефон. Подошла к окну и долго наблюдала, как равнодушная зима засыпает снегом их двор...

Виктор и Соня молчали. Валя заговорила первой.

– Видите, какая любовь у меня получилась, – вздохнула она в который раз за день.

– Причем здесь любовь, ей здесь даже не пахнет, – поморщился Виктор.

– Ккак!!! – Валя даже задохнулась от возмущения. – Он просто не мог забыть свой долг. Долг отца, что может быть важнее для мужчины.

– Просто ты ему не подошла. Ты не такая любовница, которую он искал. Ему была нужна легкая шалавистая девица, любящая погулять и выпить. А если еще и при деньгах – просто супер, – выпалил Виктор.

– Но он же звонил мне, говорил о любви, – возмутилась Валя. Она чувствовала себя очень оскорбленной, и жалела, что рассказала свою «трепетную» историю таким «черствым» людям.

– Детка, он боялся, что ты на него заявление напишешь, ждал, когда у тебя все заживет, – сказал Виктор и с сочувствием посмотрел на Валю.

– Заявление? Какое? – Валя округлила глаза.

– Об изнасиловании, конечно. Кто тебя знает. Оскорбилась и написала. Полно таких случаев. Может, ничего и не доказали бы, но сама подумай, мотаться по милициям гораздо неприятней, чем с тобой по телефону трепаться.

Валины глаза начали наполняться слезами, но она сдержалась и не заревела. Только шмыгнула носом.

– Какие два тяжелых дня, – прошептала она непослушным голосом.

– Радуйся, что ничем не заразилась от этого урода. И, что он по пьяни не может довести начатое до конца. А то бы залетела от этого упыря– алкаша.– Цинично заметил Виктор.

– Хм, а ты прав, – подала голос Соня.

– Какие же девчонки дуры, – усмехнулся Виктор, по-доброму разглядывая Валю.– Собирайтесь, пойдем обедать. И жизнь сразу наладится после украинского борща, – он подмигнул Соне.

Валя нехотя собирала вещи. Она была обессилена после всех событий. Больше всего на свете ей хотелось забраться с ногами на кровать, закрыть дверь и сидеть, глядя в окно. А в доме тишина – родители на работе, в институт не надо – каникулы. Валя тряхнула головой, прогоняя наваждение – в тети Вериной квартире полно чужих людей, и Соньку никуда не денешь.

– Да, дела, а надолго они приехали, на весь месяц? – спросил Виктор.

Валя вздрогнула и обнаружила себя идущей по дороге, а впереди спины Сони и Виктора. Оказывается, подруга уже подробным образом изложила ему всю их жилищную проблему.

– Да вы не переживайте, – увещевал Виктор, – подумаешь, на балконе, зато на свежем воздухе.

«Да, очень чуткий молодой человек, – подумала Валя, – его на балкон, да еще и Сонькой в обнимку. Хотя, от такой перспективы он бы был не прочь отказаться», – и Валька нервно хохотнула.

Виктор и Соня остановились и обернулись.

– Ты над чем смеешься? – спросила подруга.

– Да, так, – отмахнулась Валя, – не обращай внимания.

Они продолжили путь. Парочка впереди болтала о чем-то несерьезном и таком неинтересном для Вали, в ее нынешнем состоянии, что она полностью ушла в свои мысли. Весь ее мир был разрушен. С одной стороны, она была неглупая, даже очень умная и понимала, что как бы не был циничен Виктор – он был прав. Если не на сто, то девяносто процентов точно. А с другой стороны, признаться себе в этом не хотелось, все-таки это ее первая любовь, больше того, ее первый мужчина. Неужели она настолько плоха? Почему так получилось? У Вали не находилось ответов на эти вопросы, а душа болела нестерпимо. Казалось, что сердце должно разорваться от боли и перестать биться, но нет оно билось в спокойном режиме, явно не обращая внимания, да то, что душа не совсем здорова. И почему-то желудок остался холоден к психологическим терзаниям и просил, даже требовал обеда.

– Вот, – показал рукой Виктор, – вот эта столовка, в которой подают самый-пресамый вкусный борщ.

Валя вздохнула с облегчением. Сейчас утихомирится прожорливый желудок, и она власть отдастся страданиям, не отвлекаясь на голодные спазмы.

Они прошли к прилавку. Несколько салатов стыдливо жались друг к другу за стеклом, от котлов с горячим шел неубедительный парок, прозрачно намекая на то, что горячее совсем не горячее.

– Мне салат с морковкой, – сказал Виктор, – и борщик украинский.

– Борща нет, – равнодушно сказала полная буфетчица.

– Как нет, – взревел Виктор.

– Так и нет, – в том же тоне сказала буфетчица, – все съели.

– А что есть? – подала голос Соня.

– Борщ зеленый, – ответила женщина, запуская огромный половник в кастрюлю.

– Щи, что ли? – уточнила Валя.

Буфетчица кивнула.

– Давайте, щи, – кивнула Валя, – И на второе гречка, я смотрю там, – она показала пальцем на соседнюю кастрюлю, – так вот, гречки и котлету какую-нибудь, побольше. А лучше две.

Женщина одобрительно посмотрела на Валю и начала накладывать. Виктор с Соней переглянулись и тоже сделали заказ. Соня, как обычно взяла только пюре без каких-либо гарниров и салат из морковки.

– Ты почему так мало ешь? – спросил Виктор.

Соня пожала плечами. Но за нее охотно ответила Валя.

– Фигуру свою драгоценную бережет – это раз. Деньги – два. А еще, – Валя понизила голос и наклонилась к Виктору поближе, – самое главное – она брезгует.

– Брезгует? – парень удивленно вскинул брови.

– О, да, – сказала Валя, – она как-то сказала мне, что боится выловить в супе тряпку, которой вытирают со стола.

Хоть борща не было в меню, цвет свеклы за столом все-таки присутствовал. Соня покраснела до корней волос, даже ее русая челка приобрела рыжеватый оттенок. Виктор с Валею весело хихикали, а Соня пыталась справиться со смущением и возмущением.

– Зачем ты так? – сказала она Вале тихонько. Она очень стеснялась своей брезгливости, и подруга об этом знала.

– Забей, – ответила Валя, – отправляя ложку щей в рот, – смешно же.

И Соня подумала, что «забить» будет правильной. Только забить ложку Вале прямо в горло. Она встряхнула головой, чтобы отогнать гнев и обиду и продолжила ковыряться в пюре.

– Я не понимаю девушек, которые все время худеют, – сказал Виктор, промокая салфеткой рот.

– Я тоже, – отозвалась Соня, – я просто никогда не толстею, – и она кинула красноречивый взгляд на округлые Валины формы.

Только Валя не слышала, она обдумывала свою нелегкую судьбу.

После обеда сытые и довольные они побрели обратно к пляжу.

– Сейчас усну прямо на лежаке, – мечтательно сказал Виктор.

Охранник – молодой загорелый парень в плавках и панамке, потребовал с них денег.

– Ты чего, шеф, – удивился Виктор, – мы же только что здесь были и все оплатили. Пообедать сходили.

– Да помню я вас, – спокойно ответил парень, – только у нас правило такое – вышел, плати за вход по-новой.

У Виктора пар пошел из носа, как у дракона. Началась словесная перепалка, грозившая перейти в побоище.

Соня тронула его за локоть.

– Пошли, Витя, а то подеретесь еще...

Пришлось икать место на обычном пляже. А с пляжами в Ялте негусто, зато с отдыхающими полный порядок. Прилечь было негде, даже если стоять на одной ноге – и то места не найдешь. Молодежь присела на бетонные ступеньки, под которыми на узком, таком же бетонном пространстве загорали люди.

– Что-то не заладилось сегодня, – сказал Виктор, играя желваками, а его черные глаза метали молнии далеко в море.

Они помолчали, каждый о своем. Валя думала о Диме, Виктор злился, а Соня думала о своем женском предназначении.

– Соня, а у тебя парень есть? Я даже до сих пор не спросила, все про себя да про себя, – неожиданно заинтересовалась Валя, а Соня вздрогнула и повернула к ней недоуменное лицо.

– Тебе действительно интересно? – спросила она.

Валя энергично закивала.

– Я тоже с удовольствием послушаю, люблю девичьи откровения, – сказал Виктор, оглядывая ее своими быстрыми черными глазами.

Глава четвертая.

– Да у меня есть история. Хотя, надо признаться, история очень глупая. Даже две почти одинаковых глупых истории, – тихонько сказала Соня. Неуверенно и тихо начав, с каждым словом она становилась смелее и увереннее, скидывая с себя все эти пережитые воспоминания.

Соня тоже влюбилась в парня, он работал охранником в баре, куда она с подругами приходила посидеть после занятий. У него были нереально большие губы, коричневого цвета волосы и очень прямая спина. Соня была уверена, что это любовь. Но они встретились несколько раз, Соня даже отдалась ему. Это было немодно в те времена – оставаться девственницей долго. Сексуальная революция требовала полного подчинения своим законам. После того, как все произошло, он уволился и уехал в Москву. А Соня гипнотизировала телефон.

– И, кстати, – сказала Соня, – глядя на Валу, – у него тоже были очень пресные поцелуи. Валя понимающе улыбнулась.

Но любви хотелось, да такой, чтобы крышу сносило. Как Маргарита влюбилась в своего Мастера, как Татьяна в Онегина.

А потом в ее жизни появился Ваня. Соня ненавидела это имя. Ей не представлялось, как сына можно назвать именем сказочного персонажа. Тем более дурака. А сказок она перечитала великое множество, и когда ее знакомые девчонки начинали с серьезными лицами рассказывать про свои мечты: встретить принца, чтобы все было как в сказке, Соня только досадливо морщилась. Сказки остались в детстве по сто раз перечитанные, переосмысленные. Все эти Иваны, что дураки, что царевичи – весьма сомнительные положительные герои. Соня даже представить не могла, как можно выйти замуж за человека, который сварил в котле ее поклонника. Про Золушку такой затертый сюжет, столько вариаций. Вот как изнеженный аристократ может увлечься полоймойкой. Не надо рассказывать, что Золушка научилась танцевать натирая паркет, представить трудно эту грациозность движений. И тяжелый физический труд не способствует расцвету девичей красоты. Эта мысль пришла Соне в голову, когда ее печально знаменитый на весь район сосед вышел из тюрьмы. Старше Сони на два года, он лет с тринадцати мотался сначала по специнтернатам, потом по тюрьмам. И вот, когда освободился, загудел на весь район. В квартире были пьянки-гулянки, к дому на бешеной скорости подъезжали «девятки» и «восьмерки», жить стало опасно и страшно. Но своих не трогали. Этот большой туберкулезом, высохший, весь в наколках Шарапов, имел своеобразный кодекс чести. Он трепетно относился к соседям. Да, по странной иронии судьбы, он был однофамильцем знаменитого борца с преступностью из киношедевра. Так вот, однажды, когда Соня поднималась к себе домой, Шарапов выходил из своей квартиры.

– Сонька, что ли? – спросил он с интересом разглядывая ее лицо и фигуру.

– Да, привет, – ответила Соня боязливо прижимаясь к стене.

– Какая ты выросла миленькая, – сказал Шарапов, подходя ближе, – давай погуляем что ли?

– Ннет, извини, – проблеяла Соня и проскользнула наверх.

Шарапов стал заходить, встречать ее на лавочке у подъезда. Ситуация начала приобретать угрожающий характер. Но, к счастью, в один субботний вечер приехала группа захвата в бронежилетах и масках, с автоматами и собаками. Шарапова и всю его веселую компанию повязали. Как выяснилось, на бешенных «девятках» привозили наркотики. Соня всегда верила в родную милицию. Она готова была выбежать и расцеловать эти черные маски, испечь им

пирог, написать стихи, посвятить песню, назвать своего первенца в честь командира группы захвата.

И после этого ей в голову пришла простая мысль. «Золушка для принца, все равно, что Шарапов для меня. Это просто невозможно. Все равно, что кошка начнет с бурундуком встречаться. Или пингвин с лебедем. Разные виды животных. И бывают разные виды людей, союз которых просто невозможен». Она пыталась озвучить это своим приятельницам, но натолкнулась на стену непонимания. Никто не хотел признавать, что для богатых и знаменитых можно быть человеком другого сорта. Молодые девушки считают себя центром вселенной, и хорошо, когда с возрастом это проходит, женщины с такими убеждениями смешны до отвращения. Валя поддержала подругу в ее точке зрения, но осталась уверена, что именно она – женщина для всех. А на счет всей остальной серой массы девушек, Соня права абсолютно.

– Да ладно, – не думала я так, – не очень-то уверенно возразила Валя.

– Отличная мысль, – оживился Виктор, – мне бы такое в голову не пришло. – И он посмотрел на Соню более заинтересованно.

Так вот, Ваня не был похож ни на Ивана-царевича, ни на Ивана-дурака. Это был высокий красивый парень, работающий охранником. Соню с ним случайно на улице познакомила бывшая одноклассница. Они столкнулись, заговорили, как раз мимо проходил Ваня.

– Ваня привет, – замахала рукой одноклассница.

Парень подошел, а одноклассница, поправляя рукой плохо покрашенные белые локоны кокетливо представила:

– Это Соня, познакомься, мы учились вместе.

– Очень приятно, – серьезно ответил Ваня, заглянул в Сонины глаза, и нашел в них что-то для себя интересное.

Одноклассница обиженно надула губки. Как выяснилось, она давно и безнадежно пыталась выйти замуж за такого положительного знакомого. С Соней она потом демонстративно не здоровалась.

У Сони начался роман. «Опять охранник, карма у меня такая, видимо», – думала она с тоской, пытаясь как-то вынырнуть из скучной правильности их отношений. Иван понравился маме безмерно. Она всегда пекла пирожки, когда он приходил перед сном навестить Соню после второй смены. Ваня не ругался матом, никогда не говорил плохих и обидных слов, гордился своей девушкой. Соня уже знала, как зовут его напарников, как он отслужил в армии. Ваня даже рассказал ей про свою заветную мечту – купить «девятку». Он серьезно рассуждал о том, сколько лет надо копить, чтобы ее купить и отремонтировать. Все они требуют вложения после покупки. На Соню волнами накатывала безнадежность и беспросветность. Будущая жизнь представлялась такой же черно-белой, как старое кино. Роспись без свадьбы – на машину не дай Бог не хватит. А свадебное путешествие на природу на новой старой «девятке». Соня не знала, что ее пугало больше – остаться без выкупа и свадебной драки, или поездка на природу. Она страдала от такого вида отдыха: ни руки помыть, ни нарядиться.

– Сонечка, доченька, да это всегда так страшно пред новой жизнью, – уговаривала мама, – хороший парень надежный.

– Мам, ты представляешь мое будущее – оба работаем сменно на высокоинтеллектуальных должностях. Медсестра и охранник. Какие у нас замечательные найдутся темы для разговора. А совместный отдых. Я превращусь в ужасную тетку в спортивном костюме. И, вообще, ты представляешь меня в спортивном костюме? – спросила Соня и глубоко задумалась.

Мама тоже задумалась. Ее девочка и поход не монтировались абсолютно. Она и так и эдак пыталась сложить затейливый пазл, но дочь никак не представлялась ей со счастливым лицом ни у костра, ни с удочкой на берегу их великой реки. Но парень был таким положительным, что она уверенной рукой отогнала от себя все эти мысли:

– Ничего, Сонечка, – съездишь и на природу, и в поход сходишь. Это романтика. Ты стихи пишешь, вот и родится у вас какая-нибудь бардовская песня.

Соня вздохнула и призадумалась. Она безоговорочно верила в любовь и ждала, когда это чувство распухнет в ней как цветок. К Ване, конечно. Она же собиралась быть его женой.

«А может, то, что я чувствую сейчас, это и есть то самое, просто я до конца не понимаю», – размышляла она глядя на старую липу под окном. До свадьбы еще год как минимум, мне надо доучиться, получить диплом. «Доучиться, блин», – Соня почувствовала, как тоска безжалостной ядовитой змеей заползает в ее сердце. Хотелось все бросить – и опостылевшее училище, и скучного Ваню и бежать, бежать.

Но вот, когда Соня сдала последний экзамен и лето начало становится жарче и приветливее, что-то произошло. Она сначала не поняла что. То ли в подготовке к экзаменам она стала видиться с Ваней меньше, или у него появилась новая работа, Соня так и не поняла. Он приходил крайне редко, не звонил. Нельзя сказать, что это Соню очень расстраивало, а скорее очень даже устраивало. И вот однажды теплым июньским вечером мама спросила дочь:

– А почему Ваня уже неделю как не приходит?

Неделю! Неужели семь дней они не говорили по телефону, не встречались, а она не придала этому значения. Действительно, почему? Соня поспешила к телефону, после серии длинных гудков трубку снял младший брат.

– Да. Соня привет, – проговорил он нехотя.

И на просьбу позвать брата он сказал с заметным усилием.

– Ваня здесь больше не живет.

– Да, – Соня растерялась, – а где? Как его найти?

– Он сам тебя найдет, – ответил подросток и положил трубку.

Сонино самолюбие было задето. Тот, который вроде бы и не нужен был, стал сразу болезненно дорог.

Она пошла к нему на работу – уволился. Все общие знакомые пожимали плечами. Или хранили тайну, которую Соне знать было не обязательно, или действительно, информацией не обладали.

– Вот тебе и положительный во всех отношениях, – сердилась мама, со злостью швыряя ложки в мойку.

«Де жа вю какое-то», – думала Соня, вспоминая историю с первым парнем. И сделал вывод, что ей не везет с охранниками. «Никогда не буду с ними связываться», – твердо решила девушка. И невыносимо тяжело переживала расставание. А лето было такое жаркое, такое загадочное. Оно хранило в себе много секретов, которые Соне теперь были недоступны. Она поняла, что жизнь без парня тяжела и неинтересна. Каждый день она ходила гулять со своей подружкой по несчастью Олей. Они пытались познакомиться с молодыми людьми, иногда получалось, иногда нет. Только все эти встречи ничем хорошим не заканчивались. То парни напивались в бараний рог и становились агрессивными, то брали телефон и никогда не звонили. Назначали свидания и не приходили. А самое главное – все, абсолютно все сразу лезли с поцелуями и надеждой, даже уверенностью сегодня же получить большее. Соня возвращалась домой разочарованная раздраженная. «Так и проходит моя молодость, а парня я не встречу. А если встречу, то он опять сбежит», – с тоской думала она, сидя у своего любимого окна на кухне.

И ей казалось, что любила она Ваню без памяти. И все ждала его шагов на лестнице, а в редкий раз, когда звонил телефон, она с надеждой кидалась к нему, но всегда это была либо Оля, либо одна из маминых подружек. Начался учебный год, и она совершенно деморализованная, измученная собственными мыслями принялась за ненавистную учебу.

– Ах, вот почему нас не пустил этот придурок на пляж, – сказал Виктор, – тебе просто с охранниками не везет. Твоя карма и на нас плохо повлияла.

Соня хотела обидеться: как это так, она душу открыла, а тут такие заявления. Но быстро взглянув на Валю и Виктора, весело расхохоталась вместе с ними.

А тем временем грузный мужчина со своей огромной спутницей начали собирать вещи.

– Нам везет, – сказал Виктор, – ну, девчонки, на старт, внимание, марш. И он упруго соскочил со ступенек и бросился к вожделенному месту, которое вот-вот должно было освободиться.

– Да, не повезло нам с тобой в личной жизни, – заключила Валя, поднимаясь со ступеньки.

– Будем надеяться, что еще не вечер, – оптимистично заявила Соня.

– Ага, только это первая любовь, которая больше не повторится. И, как ни прискорбно было бы такое говорить: все пошло по предсказуемому сценарию. Первая любовь всегда переживания и разочарования. Мы с тобой – самые обычные девушки. – Она тоскливо вздохнула.

– Настолько обычные, что нас забываешь через минуту после расставания, – тон ей ответила Соня.

Накупавшись и назогоравшись, молодежь засобиравалась домой.

– Надо макароны купить, – деловито предложила Валя, – а то мы разоримся питаться в столовках.

Соня согласно кивнула.

Виктор проводил их до дома, обещал позвонить завтра утром.

– Чего здесь торчать, надо осмотреть достопримечательности, – сказал он на прощание.

– Точно, – согласилась Соня, – я загорать и купаться не очень, но вот, по музеям – самое то.

Валя согласилась. Она весь Крым вдоль и поперек излазила, но это было в подростковом возрасте, с родителями, сейчас все должно быть веселее и познавательней.

Глава пятая.

Войдя в подъезд, они услышали звук ссоры. Горланил мужик, голосила женщина и сквозь все это пробивался детский плач.

– Кому-то весело, – решила Валя.

Когда они подошли к квартире сомнений не осталось.

– Сейчас и мы повеселимся, – вздохнула Валя и вставила ключ в замок.

Но это было напрасно, дверь оказалась не заперта. В коридоре стоял коромыслом табачный дым. Из маленькой комнаты выбежала женщина и с перекошенным от гнева лицом закричала на Валю.

– Наконец-то! Уймите своих жильцов, а то ходите неизвестно где. Деньги такие дерете.

Валя и Соня прошли на кухню. Там сидел абсолютно пьяный мужик, курил, наверное, сотую сигарету.

– У нас не курят, – жестко заявила Соня.

– А, – он поднял на нее мутные глаза, – ты еще откуда взялась? Пшла вон отсюда! Ирка, кто эта дура?

И повернул свою качающуюся голову в сторону раковины. Соня и Валя посмотрели туда же. Там стояла его жена, почти вжавшись в стену. Она вся дрожала и слезы текли по ее лицу водопадом.

– Девочки, шли бы вы отсюда, не видите в каком он состоянии, – сказала она зло и тихо.

– Что? – Валя задохнулась от гнева. – Куда это нам идти? Может, вы куда-нибудь пойдете?

В Херсон например.

– Он сейчас посидит немного и уйдет, сейчас пару песен споет, – женщина начала выталкивать их из кухни своими тоненькими цепкими руками, – мы на дегустации крымских вин были, перестарался человек, ничего, ничего

Она сбивалась, приговаривала как в бреду:

– Ничего, ничего. Он просто так устал работал, может же человек расслабится...

– Может, – согласилась Валя, – но не у нас дома.

– Ах, не у вас дома, – практически зашипела женщина, окончательно вытолкнув их и закрыв за собой дверь, – мы вам такие деньги отвалили, что хотим, то и делаем, хоть весь день пить будем.

– Позвольте, уважаемая, – завизжала сбоку жиличка из другой комнаты, – мы тоже деньги заплатили, и не хотим смотреть на эту пьяную рожу. И дышать мы сюда приехали не вашим свежим дымом.

– Любк, ты куда подевалась, – завел из кухни культурно отдохнувший гражданин.

– Сейчас, миленький, – подобострастно проворковала слегка приоткрыв дверь жена, – сейчас приду.

– Женщина, – сказала она строго, обращаясь к соседке, – что за слова «рожа», он очень хороший человек. Откройте в своей комнате окно – и никакого дыма не будет.

– Ах, не будет, – завела было в ответ ее оппонентка, но тут в кухне послышался пугающий грохот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.